ЧЕРНЫЙ ВОРОН

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ

Отрывок из повести „ПАРТИЗАНЫ"

В весенний праздничный день, когда улицы были полны гуляющим народом, отряд Черного Ворона вступал в станицу.

В гулкий жирный шаг, широкий твердый шагом, или одичавшие за долгую войну солдаты западного фронта.

Матросы — пиратские удальцы и в боях, и в грабежах — держались обособленными кучками, не мешаясь с другими.

Простоватых черноглазых парней и усатых мужиков Приднепровщины его всех можно было отличить по серым шапкам-лезгинам и пахучим кожухам. Немцы вынули их хутора и села, отобрали хлеб и скотину. Обалдевшие от горя, они бежали, сами не зная куда. Загубленные лица их были черны от пыли, а глаза горели решимостью и яростью.

В запряженном конями испорченном автомобиле тесно сидели очкастые юнцы. С единодушной горячностью они спорили обо всем понемногу и до хрипоты распевали гимны анархии.

В ободранных экипажах ехали отпетые бандиты и шпана больших южных городов. Из огромного серебряного самовара оружейники они пили пенистое пивное вино и тоже горланили песни.

Разно одетая рота шахтеров замыкала шествие.

Тачанки были завалены подушками и перинами, а поверх застланы серыми от пыли коврами. Перемежающие погами всю Украину и Дон, загнанные лошади всхрапывали, прядали ушами и, чуя близкий отдых, ржали. Заседланные строевые кони бежали на привязи за тачанками: в гривах развевались ленты, на хвостах были навязаны пучки засохших полевых цветов. Поклажи высветленные подковы, гремели пулеметные щиты и орудия, тяжело приседая на зады, вырыли по ухабам. Накрашенные девки сидели на тачанках. В каждых девичьих коленях валялась пьяная голова партизана. Медведь, прикованный на цепь, бежал за возом и мелистовым тоскующим ревом оглашал улицу. В разливе пыли, в гаме многих голосов, обоз походил на кочующий цыганский табор.

В голове отряда, на караковой, легких арабских кровей, кобыле, струнной сидел в седле молодой атаман Черный Ворон. Шапка мелкого каракуля, принятая особенным залихватским способом, еле держалась на затылке. Высокий загорелый лоб был открыт. Начесанный смоляной чуб свисал чуть не до плеча. Над губой резался первый ус, сахары облепляли смальнящийся волос. Черкеску малинового цвета стягивал наборный узенький пояс. Расшитый веселым узором, мягкий азиатский сапог еле касался носком стремени.

Стремя в стремя с атаманом ехал обмундированный в сабан ад'ютант Шалим. Скуластое лицо его отливало чугунной чернотою. На поясе болтался заветный обрез и кисет с махоркой, на шику была насажена добытая в последнем бою под Батайском изящная алюминиевая сеточка головы мешка в каске. Над ней вились мухи.

В обозе хранилось немало отпоенных знамен всевозможных цветов и оттенков. В станицу отряд входил под черным знаменем, на котором светлыми звездами были вытканы скрещенные кости, череп, восходящее, похожее на пятиугольный гребешок, солнце, и большими глазастыми буквами грозные слова:

«Спасенья нет,
Капитал должен погибнуть».

Весь отряд втянулся в улицу.

Атаман приостал на стременах, обернулся и хрипким басом скомандовал:

— Весело!

Трубачи только и ждали приказания. Откашлявшись, они кинулись разбирать с возов нагретые солнцем трубы. Кларнетисты, багровея от натуги, начали пробовать инструменты: на их щеках заиграли ямочки, казалось, что музыканты заулыбались.

Оркестр хватил «Яблочко».

Две тачанки были сцеплены бортами, и поверх, для пола, застланы досками. На движущийся помост легко вспрыгнула любимая жена атамана и лучшая в отряде плясунья Машка Белугя. Повертываясь на все стороны, она охорашивалась. Ее крыла шлица с большое решето, писаный гайдамацкий кушак туго перехватывал талию, обтянутые драгунскими штанами стройные ноги дрыгали от нетерпения, а высокая грудь была увешана сорванными с чьих-то грудей крестами и орденами.

— Весело!

Машка кинула глазом туда-сюда, в ладоши хлопнула и пошла рвать:

Буржуйкой, ты, буржуйкой,
Хабур, чабур, лимоны,
Кругом наше право
И наши законы...

Отряд застонал, заикался в гулком реве:

Кыки брыки всюю право,
Гребем мы все законы...

Кто засмеется, что принялся стрелять во взбунтовавшихся собак, и медведь, не переносящий зла, зарекел во всю пасть.

Лошадь не вмещала народу.

Не вытерпели старики Ванькину горлянки, не вынесли хлеб-соль и свою покорность.

Атаман поднял плеть:

— Стой!

Движение затормозилось.

Бранчук прикладами в черствую землю, стала цепота. Всадники спустили поводья, поспрыгивали с коней и начали разминать занемевшие ноги. Оборвался строй ликующих звуков оркестра. Умолк серый волос.

Шалим, чуть конопатая слова, прокричал нараспев:

— Квартиреры, разводи людей по квартирам! Бабы, разбирай постели, готовься к бою! Фуражиры, ко мне!

Над возами, всидывая выше лошадиных голов, качали хохочущую Машку Белугу.

Матрос будил матроса:

— Тимошкин, вставай!.. Тимошкин, в деревню мужики горят.

Тимошкин не в силах был вырваться из об'ятий сна и только мычал. Ведро холодной воды ему на голову. Тимошкин, фыркая, поднял стриженую голову. Воспаленные глаза его испуганно мигали:

— Где мы, в Таганроге? Горим или тонем?

— Хвост малый, — заржали кругом, — с самого Дону не просыпался, всю неделю пьян был. Сволай, на Кубань пришли, сейчас с казаками драться будем.

Перед зданием станичного правления Черный Ворон остановился в раздумье. Потом, переборов себя, ступил на скрипучее крыльцо и, окруженный свитой, ввалился в помещение.

Члены ревкома — по углам.

— Кто у вас старший каюк,—спросил атаман, окидывая зоркими глазом вставших по стенкам комитетчиков. Он узнал кое-кого из станичников, но его, как ему казалось, не признавал никто.

— Я — председатель ревкома, — поднялся из-за стола Григоров.

— Откуда ты такой красный взялся? — раздражаясь, вспылил Черный Во-

...лучшая в отряде плясунья Машка Белуга.

рон. Он видел Григорова впервые, и то, что верховодом ходит не свой станичник, а чужак, рассердило его. — Атаман в станице есть?

— Был, мы его пугнули.

— Как его фамилье?

— Михайло Черноворов.

Ваньку больную догадка, что отец, может быть, и в живых давно нет. Он хотел об этом спросить, но сдержался.

Весь народный доход в 1927—28 году вырастился в 25,3 миллиарда руб., возросши за год на 7,5%.

Шалим, которого разбирало бешеное нетерпенье, перемигнулся с фуражирами и ротными раздатчиками, выкрикнул по-татарски ругательство и рассек плетью зеленое сукно на столе.

— Мать, спасатель, кровь...

Григоров откачнулся, поправил подпрыгнувшие на носу очки и насмешливо проговорил:

— Молодцы, вы, ребята, погляжу я на вас...

— Цыц!

— Помолчи, председатель, — угрюмо сказал атаман. — Не рад прибытию нашему. Пожалуй, собачья твоя душа, голодом уморить захочешь. И донцаей наших заставишь дрожать от голода?

— Кому подчинен отряд? — спросил Григоров.

— Ну, мне.

— А ты, кому?

— Чорту.

— За кого же вы вовете?

— А ты, что начальник надо мной, меня допрашивать?

— У-у, анасосы! — как укушенный, завопил Шалим и вынахнул плетью. Атаман удержал его за руку.

У дверей загалдели.

— Дай ему, Шалим, по губнам!

— Али на базар ридиться пришли?

— Правильно, буди волынку тянуть, люди голодные, лошади не кормлены.

— Карабчить его, и концы в воду.

— Уйми своего молодца, — сказал Григоров. — Приехали убраться отсюда лишним, тогда будем говорить о деле.

— Говинь? — прикурился атаман, и подул его затрепетали.

— Тикать по гоню, по разговаривать сразу со всеми не желаю.

— Казак, что ли, — храбрей больше.

Григорий промолчал.

Не спуская с него глаз, атаман с напрочной медлительностью вытянул из коробки маузер, спустил предохранитель и выстрелил через голову председателя в стенку:

— Гад...

Вбежал Максим.

Григорий стоял прямо. Сразу осунулиеся его лицо было серо, глаза немы.

— Вот стерва! — в восторге закричал атаман. — Не боится ни вожля, ни грому. Пойдешь ко мне в штаб писарем?

Максим сразу сообразил в чем дело, загородил Григория и, стараясь придать голосу твердость, сказал:

— Стой, товарищ дорогой! Напрасно вы нашему председателю обиду чините. Он расейский и порядков ваших не знает.

— Чего же он порядков не знает?

— В председателях недавно ходит, потому не знает. Станица у нас на беспокойном месте. Ты вот пришел — по зубам бьешь, а завтра кто залетит — в зубы даст... Никак невозможно больше недели в председателях выседеть, морда не тернт.

— Морда не терпит!

Черный Ворон заржал. За ним прорвалась гоготом вся свита. Они хохотали, захлебываясь чихом, кашлем. Насмеявшись, атаман спрятал маузер, торопливо, не попадая огнем в папиросу, закурил и излежил свои требования.

— Выставим в срок, — пообещал Максим, — и угощенье, и хлеба печеного, и овса, и всего, что полагается, предоставим в точности.

— Ты тоже комиссар?

— Я — простой, — ответил Максим.

— Твоя фамилия — Кужель?

— Так точно.

— Гляди, не исполнишь приказа, голову сниму.

— Будьте покойны, предоставлю.

— Добре, хлопцы, гайда!

Гости ушли.

— Чорт его батька знает, откуда он обо мне разведал, — обвел Максим всех удивленными глазами.

— Они вдалеке, чисто все знают. Чего-то морда больно знакомая, будто видал я его, только не припомню где, — сказал Ширай.

— Чего мы будем делать?—спросил Васинин.

— Послать на фронт вызывную телеграмму, — предложил Меденюк, — вызвать Савкина с нашим полком.

— Долга песни.

— А не попытаться ли разоружить банду своими силами? — спросил Григоров. — Добром с ними, как видно, не поладишь.

— Народу надежного не хватит, — сказал Максим. — Винтовок и патронов и припас, а народу не набрем.

— Где винтовки?

— На станции... И Галаган с моряками на станции, паровоз починяет.

— Не знать ли твоего Ваську за бока? — спросил Григоров.

— Вред ли их, чертей, оботрешь... На фронт торопится, и зачем до беспочности: дорогой быть нового, так они в телеграфные столбы все стрелять.

— Все-таки надо связаться, и немедленно...

— Попробовать можно.

Комитетчики, распределив между собой районы, отправились по станице собирать лань для пришельцев, а Максим с Григоровым побежали на станцию.

***

В штабном вагоне сеялась полутьма, мотылось пламя одинокой свечи, на столе шелушились хлебные крошки. Стены были увешаны картами, похабными карикатурами, оружием и одеждой уже полегших спать членов штаба. Спали они на ящиках со снарядами и взрывчатыми веществами, которыми было заиято полвагона.

— Вставай, поднимайся, братва! — крикнул Васька, вбегая: — Встречай делегацию...

Тимошкин еще раньше смекнул, что пошлая не в свою... Пожимая руки членам штаба, он с тревогой спрашивал:

...и выстрелил через голову...

— Отряд? Черноморцы? Давайте соединяться...

— С какого корабля?

— С «Гангута». Балтик.

— К порядочку, — постучал Васька по столу. — Товарищи, вы привезены сюда на боевое совещание. Дело такого рода... Отряду вашему были отведены в станице квартиры, выставлено угощение, уважены все ваши партизанские требования... — Он помялся, подыскивая подходящие слова. — Пришли вот ревкомовцы, жалуются на вас... Я ни в чем и нет. Дай-на, думаю, сам разведаю, мало ли у нас творится дурости, хотя революция с невинными жертвами не считается... И разведал, мать вашу в лоб, откуда столько громилов и шпаны набрали? Таковую шатию надо разоружить. Силы у меня хватит... Силой своей, безо всяких заседаний, мог бы всех вас по станице выстелить, но, — он возвысил голос, — зачем непужную и лишнюю кровь лить? Надеюсь, что товарищи шахтеры, товарищи моряки и лучшая часть товарищей солдат помогут мне потрепать шпанку... Кто желает высказаться?

— Мы фронтовики, — сказал пьяный, пьяное грязи, солдат, — на рожну пробираемся и никому винтовок не сдадим... Как можно без винтовки, раз у вас тут другом банды гуляют?

— Керенок, — вмешал одновременно с солдатом и Тимошкин: — На своих руку поднимать. Где ребята? Давай, если отряд в станицу, брататься будем.

Максим и Григорий читались с шахтерским начальником Мартышиным.

— Черный Ворон, братишка... Вместо через фронт прорывались, с германцами воевали... К тому же и от своих мест мы далеко ушли, возврату нет. Бей, кроши, вырывайся, пропадай душа...

— Пойми, друг,—подступал к нему Григорий, — вреда от нашего атамана больше, чем пользы... Погуляете, запасшете, только вас и видал, а против советской власти вся округа поднимется.

— Подымутся... А зачем вы тут посажены? Бей с козла, топчи гадюк, чтоб и не храпели.

— Справедливо, — сказал Максим, — как гадюки запишут и по-под каждой подворотни кусают.

— У нас в отряде ни одного комтрина нет, — твердил свое шахтер. — Далеко мы от своих мест зашли, на страх держит, куда без атамана деемся. Он — парень ухо с глазом.

Они отвели его в угол, продолжая агитировать.

— Какая ваша забота за буржуйское добро! — орал солдат. — Али им, удавам, пощаду давать.

Сводный бюджет в 1927—28 году—8 миллиардов рублей; увеличение за год на 21,7%.

Егорыч лез на солдата с кулаками.

— Вы же сами бедноте, вам долг революцию защищать, а не лазить тут баб щупать, да сметанные горшки вылизывать... Со своими буржуями советчики сами справятся, а наше с тобой место, суконное твое рыло, на позиции. У меня сын единственный погибает, сам не желаю даром хлеб есть советский, а вы тут по тылам молочко хлебаете.

Васька поднялся и властно крикнул:

— Разговору нет, все решено... Имеем революции прикрывало...

— Хочешь загнать в бутылку и заткнуть, — неробко сек Тимошкин,— Время, стерва, и сам далеко не управишься.

Он выхватил из-за пояса рубчатую большой взрывчатой силы, английскую гранату, в черниальных подтеках лицо его было полно решимости, рука с гранатой занесена над головой.

Васька опешил.

Все замолчали.

В вагоне вдруг стало глухо, как в гробу. Тикающий часовой маятник, точно пунктиром, подчеркивал тишину. Хлопьями плавала копоть.

— Стой, падло, — заговорил Васька. — В вагоне три сотни снарядов и шесть пудов динамита. Ты можешь из всего вместе смолу сделать.

Тимошкин, оскалив зубы, молчал. В глазах его испугу было мало.

— Застрели меня одного, сметли считаешь вредным! — продолжал Васька...

Затем, будто боясь кого испугать резкостью движения, он осторожно отстегнул колыт, и, держа его за дуло, положил на край стола, ручкой вперед.

Еще большую минуту длилось молчание.

Тимошкин медленно опустил руку, подпирая к столу и положил гранату рядом с колыом.

— Сдались.

Егорыч, стоявший ближе всех, хлестнул Тимошкина по уху:

— Печенег, ты — пятое колесо в нашей коммунистической телеге.

— И я сдаюсь, — поднял солдат трясущуюся руку. — Я, братишки, сам служил в Дебальцеве в большевистском полку, только забыл правильное название. Я, братишечки, сам два месяца вел бесплатную агитацию.

— Ну, а ты, — в голос спросили несколько человек, глядя на Мартынова.

— Этот с нами, — ответил за него Григорий.

Шахтер начал распоясываться.

— Оставь оружие при себе, — сказал ему Васька. — Беги в станицу. Поручаю тебе и твоим ребятам захватить батарею и атамана. Прикажи всей роте сбросить шинели и рубашки, чтоб я мог вас отличить от прочих.

— Будет исполнено в точности... Уж я сказал, так умерло...

Он пожал на-спех руки Максиму и Григорову и вышел.

В сумятохе солдат успел удрапать.

***

Моряки вошли в станицу сразу с трех сторон.

Встревоженные улицы гудели. Из дворов выкатывали тачанки, на лошадей на ходу набрасывали хомуты. Сказали всадники, бежали, обстреливая, солдаты, и часть обоза уже гремела по мосту. Бессвязные казаки рубчатыми вальками и ухватами молотили валившихся пьяных. В спины бегущих палили из дробовиков. Шахтеры на руках выкатили пушки на середину улицы и били по мосту прямой наводкой. Снаряды ложились удачно: по реке поплыли подушки, тягучие гуси и картонки со шляпами. Мост запылал.

В тот же день благодарная станица проводила отряд моряков и присоединившуюся к ним сотню шахтеров на станцию. Максим с Васькой при прощании поцеловались.

Повесть «Партизаны» будет опубликована в № 11 «Нов. Мира».